

9. Чернецкий С. Компьютерный сленг [Электронный ресурс] // Секреты всемирной паутины: [сайт]. – [Б. м.], 2010.

ЗАБЫТЫЙ ТРАКТАТ М.В. ЛОМОНОСОВА И ЗАДАЧИ ПРИКЛАДНОЙ ФИЛОЛОГИИ

*Харченко В.К.
доктор филол. наук, проф.
Белгородский государственный университет
Россия, г. Белгород*

В статье Е. Съяновой «Памятка властителям России» рассказывается о неизвестном трактате М.В. Ломоносова «О сохранении и размножении российского народа» [5], написанном в форме письма И.И. Шувалову, представленном Екатерине II, но пролежавшем под спудом и парадоксально замалчиваемом по настоящее время включительно. Выражаясь современным языком, в этом произведении, датированном 1 ноября 1761 года, речь шла, о здоровьесбережении нации, что подразумевало борьбу с невоздержанностью русского народа, то есть с пьянством, устранение браков между лицами несоответствующих лет, отмену запрета жениться более трех раз, проблему «живых покойников», когда люди уходили жить в чужие государства и российская корона теряла своих подданных. М.В. Ломоносов предлагал также запретить мирянам до 45-50 лет принятие монашества, предлагал учредить богадельные дома для невозбранного приема зазорных (внебрачных) детей, советовал крестить младенцев не в столь холодной воде. Е. Съянова справедливо подчеркивает всё возрастающую злободневность многих не востребуемых требований великого ученого [10: 70-74].

В настоящей работе нам хотелось бы преломить идеи трактата-письма М.В. Ломоносова к задачам современной прикладной филологии. Поставим вопрос так: может ли филолог в прикладной своей деятельности опираться на

возможности самого языка, чтобы поддерживать, развивать в отношении здорового образа жизни и укрепления семьецентризма одни установки национального сознания и мягко, пластично корректировать другие? Речь пойдёт об осознанном отношении к языку, даже подчас о несогласии с диктатом языка. *«Да какой же русский не любит быстрой езды?»* – повторяем мы давно уже ставшее крылатым риторическое восклицание великого Гоголя, повторяем про себя – и попадаем в аварию, поскольку состояние дорог в России для быстрой езды как раз не предназначено. Следовательно, помимо подготовки более полных словарей богатств языка, пополнения фондов записей разговорной речи и выписок-цитат из художественных текстов, помимо внедрения результатов научного поиска в методику вузовского преподавания (средняя школа должна быть более консервативной, берегающей всё лучшее, ориентированной на здравый смысл в отношении преподавания оптимального минимума знаний и навыков), помимо всего сказанного и несказанного намечается – в области прикладной филологии – еще один немаловажный аспект: а именно «рассказы о словах». Нет, речь пойдёт сейчас отнюдь не об этимологических изысках и не о типичных ошибках произношения и написания. Речь будет идти о последствиях банального и бездумного взаимодействия с родным языком, с отдельным его словом. Профессиональным филологам предстоит более взвешенно оценивать, что именно говорится и к каким последствиям тиражируемое может привести.

На тему коррекции языкового сознания окружающих нас вывело начавшееся в 2002 году в Белгородском государственном университете изучение языка семейных родословных. Был собран архив сочинений на тему «История моей семьи», насчитывающий свыше тысячи единиц хранения, проведен анализ концептов внутрисемейных родословных [12], была сделана разработка концепта «Семья» [9], описан язык текстов, относящихся к жанру мемората [8, 7], исследованы имена собственные в семейных родословных [14]. Аспекты коррекции языкового сознания были рассмотрены в ряде публикаций [15, 11: 114-130].

Продолжая работать над данной проблематикой, мы предлагаем как минимум восемь направлений коррекции языкового сознания с прицелом, выходом на социальные, валеологические и демографические аспекты в свете того, о чем писал М.В. Ломоносов и что до сих пор остается невостребованным социальным знанием.

Первое направление можно обозначить как **реконструкцию утраченных концептов** – таких, как СВЕРХМНОГОДЕТНОСТЬ (десять и более детей в семье), СВЕРХДОЛГОЛЕТИЕ (перешагивание 90-летнего рубежа), ПРОФЕССИОНАЛИЗМ (с сохранением права на интеллектуальную собственность), ЛИЧНЫЙ ГЕРОИЗМ (рассказы о тех самых подвигах, которые совершаются внутри семьи, такие нарративы могут оказать воздействие, помочь в оценке ситуаций в другой семье).

Сочинения «История моей семьи» дают благодатный материал по анализу утраченных концептов, требующих озвучивания, рассказа о них, компоновки примеров, причем таких, которые стимулируют мужество, терпение, выносливость, стимулируют постановку жизненных задач запредельной сложности и привлекательности. Спрашивается, а зачем рассказывать о том, что совершенно исчезло из жизни. Во-первых, исчезло ли, исчезло ли абсолютно? В Ростове-на-Дону живет матушка Наталья и растит в своей семье вместе с мужем 24 ребенка (22 рождены самой матушкой и двое приемных). Во-вторых, потому и надо восстанавливать тот или иной концепт, чтобы не произошло полного исчезновения стоящего за ним феномена, например феномена сверхмногодетности. Семейные родословные свидетельствуют, что сверхмногодетность сохранялась в России еще в начале XXвека. Сталин принял страну с 6 детьми, а «сдал» с 2,7 ребенка. Причём здесь прикладная филология? Во-первых, профессиональный филолог может заняться поиском и восстановлением старинных слов, грамматических значений (утраченное сейчас значение творительного падежа, которое можно назвать «Творительный беременности» (в семейном родословии встречаются высказывания типа: *Когда мама*

ходила пятым ребенком...), а также может заняться восстановлением, озвучиванием забытых паремий, формул успокоения и поддержки: *Бог даст его – даст и на него. Крута гора – родины, да забывчива. С детьми и горькое сладко.* Пусть, благодаря этому родится не одиннадцатый, а второй, третий ребенок в семье, но это тоже весьма значимый результат. Во-вторых, именно филолог может поддержать и высокие слова «спасать нацию», услышанные в случайных, но знаковых диалогах. Женщина-армянка наклоняется над коляской соседки по двору, русской молоденькой мамы и произносит сердечно: *Тебе надо пятерых родить, надо любить свою нацию!* Во время одной из частных бесед на международном фестивале в г. Ополе (Польша) в ноябре 2010 г. мы услышали, как известный поэт, серболужичанин Бэно Бударь, рассказывал, что его дед наказал всем своим детям иметь по пять-десять детей, «чтобы нация была спасена». Супруга этого поэта, Людмила, филолог, занимающийся проблемой билингвизма, тоже из многодетной семьи, всем своим обликом и поведением доказывала, что десять детей в семье и высочайшая интеллигентность каждого вполне коррелируют. Брат этой женщины Станислав Наука, врач, ежегодно летом по собственной инициативе выезжает в Африку лечить тяжело больных, а каждый четверг бесплатно лечит бомжей, выскивая их под мостами, у вокзалов. Это пример еще и другого концепта – концепта ЛИЧНЫЙ ГЕРОИЗМ.

Далее, филолог-прикладник может разыскать языковые формулы поддержки бодрости и долголетия, вплоть до сверхдолголетия. Мы жизнь не только получаем, но и задаем. *В зимний холод всякий молод. Умирает не старый, но поспелый.* Семейные родословные системно свидетельствуют, что и при самых неблагоприятных условиях (раскулачивание, голод, война, похороны близких, потеря имущества, инвалидность) наши предки, как правило, перешагивали 90-летний рубеж. Необходим настрой на сверхдолголетие и соответственно запрет на целый ряд расхожих словесных формул: *В моем возрасте... Какое у вас давление? Не дай бог дожить до таких лет! Чужой век*

заедаю... Экология... На такую пенсию не проживешь! Старики никому не нужны. Полноте! Нужны. Именно старые люди в семье работают как передатчики культуры, носители запредельной мудрости, как центры покоя, гении интуиции, только об этом надо погромче и почаще говорить не только психологам, но и филологам тоже.

Второе направление коррекции отношения к языку – **создание новых концептов**, создание в языке того, чего в нем нет. Известно, что М.В. Ломоносов придумывал термины, и по сей день прекрасно работающие в научном дискурсе: *долгота, широта, удельный вес* и мн.др. Современному филологу под стать задуматься о том, чего языку не хватает. Хорошо известно, что явно недостает слова-обращения к немолодому мужчине и немолодой женщине. Провалы в вокативах заметны, тогда как носители языка подчас не замечают, что в русском языке нет слова для обозначения человека, ведущего здоровый образ жизни. Не называть же такого человека эгоистом: здоровье одного – благополучие многих! Слабо востребованы пословицы и крылатые слова о здоровом образе жизни. Далее, должно появиться, на наш взгляд, и такое слово, как СВЕРХТРЕЗВОСТЬ в значении абсолютного отказа от спиртного. Нам известны такие люди, то есть «по жизни» они есть, тогда как слово для их обозначения отсутствует. Слова «трезвый», «трезвенник», во-первых, не выражают идеи полного, стопроцентного отказа от спиртного, а во-вторых, слово «трезвый» приобрело едва ли не обязательный «хронометрический эскорт»: *Пока он трезвый, Сегодня он трезвый...* и т.п. Кстати, разговор о СВЕРХТРЕЗВОСТИ хорошо иллюстрируется судьбой Федора Углова – врача, хирурга, занесенного в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку этот человек, абсолютно отказавшийся от всех видов и форм вливаний, в свои сто лет продолжал оперировать. Столетие Ф. Углов отметил 5 октября 2004 года.

Нет слова, которое обозначало бы СОБИРАТЕЛЬНИЦУ или СОБИРАТЕЛЯ СЕМЬИ, то есть члена семьи, своими письмами, расспросами, традициями приездов, встреч скрепляющего, «собирающего» семью.

Согласимся, что все это весьма и весьма злободневно. В немецком языке есть слово, переводимое как ДОРОЖНАЯ ЛИХОРАДКА, тот самый трагизм сборов в дорогу, когда не знаешь, что взять, а чего не брать, когда решаешь проблему: делать груз неподъемным или создавать проблемы из-за нехватки еды, одежды, необходимых вещей. Мы все это переживаем, но самого слова для этого переживания нет. Впрочем, по отношению к языку опасно уверенно заявлять об отсутствии. Какой бы мелкочейистой не была сеть, утверждать, что ни одна рыбка не проскочила, рыбак не станет. Кстати, эту мысль и это сравнение подсказал нам проф. А.А. Кретов (г. Воронеж), и это тоже пример создания не слова даже, а целостного объясняющего образа. Собственно, нам больше нужны не новые слова, а фразеологизмы, сравнения, забытые пословицы. В маршрутном такси довелось услышать диалог водителя и его знакомой. Женщина сначала выругала начальство (не без этого!), потом очень сердечно рассказала о своем муже: *маленький ремонтник затеял, везде причал найдет...* Какой очаровательный фразеологизм «езде найти причал», подсказывающий оптимальное и плодоносное отношение к будням! Как филолог я не устаю пропагандировать услышанное мною от коллеги – доцента БелГУ В.П. Кичигина: *Трудно? Так ведь это самая большая радость, когда трудно. Напряжение – это фильтр. Фильтр сознания. Оно очищает...*

Третье направление корректировки языкового сознания через рассказы о словах имеет противоположную направленность – **невызволение некоторых концептов, засекречивание их**. Это относится к концепту МИРОТВОРЧЕСТВО. По мысли Владимира Лефевра, нельзя объявлять о миротворческой цели: миссия будет провалена. «...Просчеты миротворчества заключаются, по моему, в активном желании некоторых политических деятелей прослыть миротворцами, вместо того чтобы стать ими благодаря невидимым и невыгодным для карьеры действиям» [4: 31]. Таким же невызволяемым концептом должен быть и СТРАХ за новорожденного. Как серьезное

условие продолжения рода страх может принять подчас столь объёмные формы, что сама мать, объятая страхом, становится причиной детского недомогания, о чём пишет в своей статье исследователь Т.Б. Щепанская [17: 248-249]. Есть мнение, что в Китае у старых людей с памятью всё обстоит благополучно, потому что (sic!) даже в голову никому не приходит говорить о старческой ЗАБЫВЧИВОСТИ. Следует чаще сравнивать себя с компьютером, которому тоже необходимо время, чтобы найти необходимый файл, коих на его памяти становится всё больше и больше.

Четвёртое направление коррекции языкового сознания через «рассказы о словах» – это возможное **изменение коннотации с «минуса» на «плюс»**, точнее усиление «плюса» в восприятии таких слов, как, например, БЕРЕЖЛИВОСТЬ, КРОТОСТЬ, СМИРЕНИЕ, УПОВАНИЕ, ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ, ДЕНЬГИ, РЕФЛЕКСИЯ и др. В этом отношении неплохо было бы обратиться к некогда существовавшим калькам с греческого языка, посмотреть, нет ли там актуальных для нас сейчас слов и понятий. Недавно встретила нам и такая мысль: смирение выше терпения: терпишь вынужденно, тогда как смиряешься по собственному решению, по своему почину. Разговор о слове способен поднять слово, возвышая все, что за ним стоит, обогащая канву ассоциаций. Не случайно в эту же группу «более плюсовых» мы отнести и слово ДЕНЬГИ. Не стыдно стремиться к материальному благополучию, не стыдно беречь и множить окружающий тебя вещный мир. Обратимся к одному из заимствованных слов – слову РЕФЛЕКСИЯ, которое ассоциируется с гамлетизмом, самокопанием, бездействием, унынием, безысходностью, тогда как искусство плюсового прочтения концепта РЕФЛЕКСИЯ могло бы приучить человека грамотно выходить из состояния депрессии. Например, семейный конфликт: отпустить или не отпустить пятнадцатилетнего сына в самостоятельную поездку? В таких случаях формулируешь вопрос: СТРАХ или РАЗВИТИЕ? Правильно поставленный вопрос подсказывает

решение, снимает страх. Другая ситуация: семья дала трещину, в семье скандал за скандалом. Что здесь может помочь? Та самая рефлексия: *«А ты хотела 100-процентного счастья? Счастливее всех быть? Так не бывает! Живи одним днем. Сегодня выдержали, сохранили отношения, авось и завтра переживем»*. Управление собственными эмоциями – величайшее искусство. Более спокойным, нейтральным, если уж не «плюсовым», должно стать и восприятие концепта БЕЗДЕЛЬЕ. «Что делает мозг, когда ничего не делает?» – название недавней публикации в журнале «Наука и жизнь». Оказывается, как раз мозг не бездельничает: он приводит в порядок свои «файлы».

Пятое направление в корректировке восприятия слов – это, напротив, **переключение в коннотации слова плюса на минус**, точнее некоторое ослабление плюса в восприятии, например, концепта СЧАСТЬЕ. Непременный атрибут праздника – поздравления. Поздравляя, мы обязательно желаем счастья. И начинается тяжелое ожидание того, что по определению правильнее было бы назвать побочным продуктом правильно организованной жизни. Мы не ради счастья вступаем в брак, мы хотим, чтобы была семья, чтобы были дети, а там и счастье появится, причем настоящее: не то аморфное, ожидаемое, а реальное, непонятно, когда и как незаметно просочившееся и напитавшее наши будни. Грамотнее нужно относиться и к концепту ПРАЗДНИК, который и должен разочаровывать, это разочарование, по мысли Т. Чередниченко, заложено в самой природе праздника, ожидание которого всегда превосходит его «явь» [14: 155-163]. «Снимая с себя панцирь будней, человек делается уязвимым для проникновения в него иных, внебудничных сил. <...> Праздник – оголённое, уязвимое пространство. <> Праздник и должен обманывать ожидания: в этом, если угодно, одна из самых важных его правд» [1: 35]. Снижение плюсового восприятия требует и слово ДИЕТА, которое ассоциируется с панацеей едва ли не от всех болезней. Совсем недавно чрезмерно плюсовой коннотацией обросло слово ПРОЗРАЧНОСТЬ. Всем знать доходы всех значит гарантировать абсолютное отсутствие

криминогенных прочтений данной информации. Все ли документы служебного характера должны быть прозрачными? Концепт МОЛОДЁЖЬ сейчас на пике востребованности, идёт возрастная дискриминация, заигрывание с молодёжью [2: 170-180], тогда как в любом социуме в идеале должна быть возрастная гармония и после 35 наш соотечественник-современник должен ощущать свою уникальную ценность и востребованность.

Шестой вектор коррекции языкового сознания – **снятие юмористической компоненты** с трактовки некоторых концептов, и, прежде всего, с концепта ПЬЯНСТВО. Об этом пишет в своей статье Е. Холопова [15]. М.В. Ломоносов будто предвидел все то, что описала журналист, жительница одной из деревень Республики Коми. Только в этой статье мы встретили мысль, оспаривающую общеизвестную цитату: «Смеясь, человечество расстается со своим прошлым». Смеха все больше, а внутренней установки на запрет все меньше. «Мило звучащий» лозунг прошлых лет «Всё в жизни надо попробовать!» не для современной стихии алкоголизма, наркомании, игромании, паркура и далее со всеми останковками – вплоть до останков сердца. Слишком много юмора вобрал в себя и концепт ВОРОВСТВО: *стионерить, приделать ноги, слямзить*. Между тем интересно, что в английских сказках воровство всегда со знаком «минус», как показало исследование О.А. Кириак, тогда как в русских сказках и пословицах воровство иногда трактуется как ловкость, смекалка, «остроумный» выход из ситуации. «Английскому сознанию не свойственно позитивное отношение к воровству в принципе. Русские же паремии констатируют соединение и переплетение неприятия и оправдания воровства, считают воровство неизбежным элементом человеческого характера, а само воровство вполне допустимым в определённых обстоятельствах» [3: 21]. Между тем старинное «Не укрАди» (с древним ударением на «А») относится к абсолютным запретам. В своём романе «Анкета» Алексей Слаповский устами героя комментирует практически неизвестную

пословицу «Воровавшись, не скоро отстанешь»: *Слово-то какое «воровавшись»!*

На порядок менее веселым может стать и восприятие концепта ОБМАН. Мы слишком часто оказывается в ситуации ожидания обмана, однако последние годы ознаменовались появлением публикаций о необходимости лжи, о том, что ложь младенца свидетельствует... о его уме. В ходу пословица «*Не обманешь – не продашь*» и т.п. В многочисленных пособиях по культуре делового общения встречаются милые советы, что должна сказать (как должна солгать) секретарь, чтобы не подвести начальника. Филолог может приводить примеры людей, стремящихся к абсолютной правдивости, информировать об исследованиях взаимосвязи лжи и недомаганий, популяризировать требования высшего уровня поведения. К слову, самым героическим персонажем русской классики называют Петрушу Гринева, не солгавшему в ситуации даже смертельной опасности.

Седьмой вектор – противоположный, **добавление юмористической компоненты** к словам. Например, такие слова, как ДИСЦИПЛИНА, АККУРАТНОСТЬ, ПОРЯДОК, ТЕРПЕНИЕ, СИЛА ВОЛИ, СПЛЕТНЯ подчас воспринимаются излишне трагично. В своих воспоминаниях «Я верую» писатель Леонид Пантелеев рассказывал, как мама учила его весёлому терпению. Фразеологизм «Не выносить сора из избы» вырос из пословицы «*Не выноси из избы сору к чужому забору*». Всё правильно, однако при отсутствии сиблингов, при позитивной характеристике: «Всё держит в себе», «Ни о ком худого не скажет» носитель языка становится заложником собственного имиджа, неподъёмных требований. Делиться – надо. Вспомним старинное: «Носите бремена друг друга». Сплетня по отношению к кому-либо долго не живёт. В старину напоминали о белоснежном лебеде, который, сколько ни кидай в него грязи, сохраняет свою чистоту, вспомним и пословицу *Быль что смола, небыль что вода*. Вместе с тем замалчивание в кругу близких людей острых, обжигающих, гнетущих обид не выход. Легкое, почти юмористическое «Проехали!»

идеальный способ не возвращаться к пережитому. «Жалкие слова надо прощать человеку», – наставлял старец Зосима в известном романе Ф.М. Достоевского. В семейных ссорах отнесёмся если не с юмором, то с большим пониманием, снисхождением к самим словам. Всего лишь слово... Негоже, когда на оскорбление начальника умница-подчинённый отвечает заявлением об уходе. Само слово НАЧАЛЬСТВО обладает не очень заметной (юмористической) коннотацией: «часто сменяемое».

Восьмой вектор коррекции коллективного бессознательного через «рассказы о словах» – это **растерминологизация некоторых понятий**. Мы предложили бы растерминологизировать трудные при первом прочтении-восприятии, но прозрачные по смыслу и, главное, необходимые для понимания ситуаций термины, как, например, ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЭКСЦЕНТРИСИТЕТ России (много проблем в стране обусловлено боковым расположением, сдвигом столиц к северо-западу). Далее, обычным словом может стать термин СИБЛИНГИ (братья и сестры), СИБЛИНГОВОЕ ОБЩЕНИЕ (общение братьев и сестер). Отсутствие «друга, данного природой» незаметно влияет на ребенка. Дефицит сиблингового общения рассматривается одна из причин непрочности брака. Слово ГЕТЕРОЗИС, означающее межнациональные браки (с их положительным эффектом на генетическом уровне, проявляющимся, как свидетельствуют ученые, и в последующих поколениях семьи) тоже требует не только терминологического употребления, но и более широкого ввода в разговорную практику, то есть в практику принятия того, что предлагают новые ситуации открытого общества. В зарубежной дидактике, раскрывающей особенности работы с детьми, отставшими в усвоении программы (Ортогеническая школа Сони Шенкман при Чикагском университете), есть термин СВЕРХОБУЧЕНИЕ, когда одну и ту же задачу решают не один раз, варьируют её, когда не один раз пишут диктант, выполняют упражнение. «Учитель никуда не торопится, он переходит к новому материалу только тогда, когда старый абсолютно надёжно усвоен. Сверхобучение –

сверхнадёность...» [6: 71-77] Это волшебное слово СВЕРХОБУЧЕНИЕ может стать стимулом и подсказкой для тех, кто помогает ребенку (пока ещё не отстающему, но программа современной школы достаточно сложна и чревата!) приобрести запас прочности усвоенного.

В растерминологизации нуждаются не только отдельные слова, но и словосочетания, обороты речи, как, например: РАБОТА ГОРЯ, то есть та самая работа (тяжелейшая, кажущаяся роковой, неподъемной), когда жизнь предлагает смириться с неизбежным, а в человеке всё бастует, ломает его изнутри. И смерть пополняет свою жатву.

Сам подбор примеров, приводимых по каждой из семи позиций, представленных в этой публикации, может вызвать несогласие, пусть так. В разговоре с носителями языка пусть будут задействованы совсем другие слова, другие обороты, пословицы. Важна, прежде всего, сама установка – перестать идти вслед за языком, анализируя только то, что есть, что «объективно» существует, вплоть до инвектив, и не вызывая к жизни позитивные изменения, которые способно поддержать удачно и вовремя найденное слово, реконструированная пословица, образ, замеченный, отслеженный в недрах художественного текста или в литературе non fiction. Так, в очерках Андрея Битова «Уроки Армении» таится интересный афоризм: *«Оттенки – лакомство умных»*. Реклама, пропаганда внедрения хорошего, что есть в языке, одна из важнейших задач прикладной филологии на современном этапе её развития. В своем, ныне забытом трактате М.В. Ломоносов корректировал грамматику национального поведения. И величайшей прикладной задачей современной филологии может стать задача найти и озвучить те самые опоры, которые во многом уже были заложены в русском языке. Такие опоры заложены, повторяем, в отдельных словах и фразеологизмах (из текста родословной: *Бабушка одинаково хорошо владела и тилой, и иглой*), в забытых пословицах (*Мешай дело с бездельем – с ума не сойдешь; От доброго обеда и к ужину останется; Милость делает бодрость*). Такие опоры заложены в малоизвестных цитатах и крылатых

словах (например, у М. Хераскова: «*Не забавна жизнь сидячая*»). Кстати, поэтические строки М.В. Ломоносова также могут помочь языковому сознанию освежить привычное, порадоваться событию наступления утра, восхититься звездным покровом ночи: «*Уже прекрасное светило / Простерло блеск свой по земли / И Божию дела открыло. / Мой дух с веселием внемли!*»; «*Открылась бездна звезд полна: / Звездам числа нет, бездне – дна*». Высокий стиль необходим жанру оды, но и в сознании личности должны быть островки высокого стиля, дефицит которого, ставшее привычным вытеснение восторга иронией сказывается на психологическом здоровье, приводит к обеднению эмоционального регистра мыслительной деятельности человека, что в свою очередь влияет на соматику, здоровье, возможность долголетия, проявление личного героизма.

Таковым, как нам представляется, может стать особый блок задач современной прикладной лингвистики, решению которых может быть подчинено и качество жизни, и социальное здоровье нации в целом.

Спросим себя: а кто может рассказывать о словах с некоторой поправкой их восприятия? Журналисты? Отнюдь. В мире ежедневно происходит столько сенсационных событий, что современный работник прессы едва успевает справляться с потоком очередных ЧП. Думается, что, рассказывая о словах (есть такой незатейливый жанр публичных выступлений!), именно филолог может мягко влиять на то самое коллективное бессознательное, от которого зависит если не все в социуме, то очень и очень многое.

В указанном трактате М.В. Ломоносов по существу писал о налаживании «простой жизни»: как сделать, чтобы не пили, не уезжали, не стремились в монашество. Добавим более поздние наслоения-угрозы: аборты, наркотики, игроманию, инцест – и менее заметные, но не менее распространенные: депрессию, агрессию, суицид. Помимо медицины и юриспруденции, социологии и психологии свое слово спасения здесь может сказать и

прикладная филология. Постоянный поиск свежих смыслов и форм необходим для того, чтобы дать массу сильных и свежих импульсов труднейшему «самостоянью» языковой личности, ее диалогу с окружающей средой, достойному, грамотному её ответу на вызовы сегодняшнего и завтрашнего дня.

Литература

1. Балла О. Знание – сила. – 2004. – № 12. – С. 34-35.
2. Бочаров В.В. Молодость против старости // Нева. – 2008. – № 1. – С. 170-180.
3. Кирияк О.А. Социокультурный концепт «воровство» в русском и английском языковом сознании // Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 – Белгород, 2009. – 26 с.
4. Лефевр В. Слыть миротворцем или быть им? // Знание – сила. – 2002. – № 3. – С. 71.
5. Ломоносов М.В. О сохранении и размножении русского народа // Полн. собр. соч. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. – С 381-403.
6. Максимов М. Только любовь... Не мало ли? // Знание – сила. – 1987. – № 7. – С. 71-77.
7. Павлова А.А. . Жанр, гипертекст, интертекст, концептосфера (на материале внутрисемейных родословных). – Белгород, 2004. – 162 с.
8. Павлова А.А. . Концептосфера внутрисемейных родословных. Дис. .. канд. филол. наук. – Белгород, 2004.
9. Рухленко Н.Н. . Концепт СЕМЬЯ в жанре семейных родословных. Дис. ... канд. филол. наук. – Белгород, 2005.
10. Съянова Е. . Памятка властителям России // Знание – сила. – 2007. – № 4. – С. 70-74.
11. Харченко В.К. «Белые пятна» на карте лингвистического знания: книга рисков. – М.: Изд-во

Литературного института им. А.М. Горького, 2008. – 168 с.

12. Харченко В.К. Лингвокультуроведение сквозь призму семейных родословных // Colloquium: Международный сборник научных статей. – Белгород – Бергамо, 2005. – С. 99-107.; В.К. Харченко. Исчезающие концепта (по материалам семейных родословных Белгородчины) // Межнациональные отношения в южнорусском порубежье. – Белгород, 2006. – С. 134-137.
13. Харченко В.К. . «Исправление» языка – исправление жизни? // Белгородская правда. –2007 г. – 17 авг.
14. Харченко В.К., Черникова Е.М. Лингвогенеалогия: Имя собственное в жанре семейных родословных. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 192 с.
15. Холопова Е. . Утопленная истина // Знамя. – 2006. – № 9. – С. 169-185.
16. Чередниченко Т.В. Праздничность // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 155-163.
17. Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: РГГУ, 2001. – С. 248-249.

КАТЕГОРИЯ РОДА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Хачатурян Н.А.

Доцент

Ереванский государственный университет

РА, Ереван

e-mail: annamari2407@list.ru

Последние годы отмечены все более растущим вниманием филологии и смежных с нею наук к национальной картине мира в ее связи с национальным сознанием, культурой и языком.